

DOI: 10.12731/2576-9782-2022-3-53-67
УДК 130.3

НОВЫЕ МОДУСЫ ЭМОЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

В.В. Кортунов, Н.Р. Саенко

Актуальность исследования появления новых аффективных состояний связана с политическим и культурным контекстом: глобальными катастрофами, разочарованием в идее всеобщей справедливости и блага, сомнением в универсальности гуманизма и идей Просвещения. **Цель исследования** – выявление новых модусов современной эмоциональной культуры (неловкость, постирония, новая искренность, кринж). Постирония позволяет человеку, оставаясь в серой моральной зоне, выражать скепсис по поводу ясности и постигаемости мира, а новая искренность даёт инструменты для повторного собирания мира и души, раненных тоталитарными режимами, войнами и терактами, в искусстве, что исследуется на литературном материале, поэтому главным **методом исследования** является герменевтический. Анализируется идеологическое размежевание между постироничными политиками-популистами и снежинками, придерживающимися норм новой этики. Предполагается, что на индивидуальном уровне эти новые модусы эмоций и чувств не только не вредны, но, наоборот, обладают терапевтическим действием.

Ключевые слова: новая искренность; кринж; постирония; новая этика; история эмоций; постмодернизм; метамодернизм

NEW MODES OF EMOTIONS IN MODERN CULTURE

V.V. Kortunov, N.R. Saenko

The relevance of the study of the emergence of new affective states is related to the political and cultural context: global catastrophes, disil-

lusionment with the idea of universal justice and good, doubt about the universality of humanism and Enlightenment ideas. The **purpose** of the study is to identify new modes of modern emotional culture (awkwardness, post-irony, new sincerity, cringe). Post-irony allows a person, while remaining in a gray moral zone, to express skepticism about the clarity and comprehensibility of the world, and the new sincerity provides tools for reassembling the world and the soul wounded by totalitarian regimes, wars and terrorist attacks in art, which is studied on literary material, therefore the main **method of research** is hermeneutic. The ideological separation between post-ironic populist politicians and snowflakes adhering to the norms of the new ethics is analyzed. It is assumed that at the individual level, these new modes of emotions and feelings are not only not harmful, but, on the contrary, have a therapeutic effect.

Keywords: new sincerity; kringe; post-irony; new ethics; history of emotions; postmodernism; metamodernism

Введение

Современная эмоциональная культура продуцирует не только новые чувственные модусы, «публичные режимы чувствования» [4, с. 96], но и новые термины для их описания и изучения. Актуальность исследования связана с политическим и культурным контекстом: глобальными катастрофами, разочарованием в идее всеобщей справедливости и блага, сомнением в универсальности гуманизма и идей Просвещения. Целью исследования стало выявление новых модусов современной эмоциональной культуры (неловкость, постирония, новая искренность, кринж).

Постпостмодернистскую аффективность изучают исследователи в разных дисциплинарных областях: психологии [1; 8; 13], социологии [15], истории эмоций [6; 7; 16]. Особенно много теоретических исследований, связанных с новыми эмоциональными модусами, разворачиваются в предметном поле массовой культуры и часто связываются с категориями комического. От «неловкого поворота» (*англ. Awkward Turn*) в документальном кино, сокращающего дистанцию между персонажем и зрителем [23], до культурологов, пытающихся

осмыслить отношения между *постмодернизмом* и *постпостмодернизмом* [24] и филологов, пишущих о *новой искренности* и *постиронии* [21], – все эти термины описывают новую реальность с опорой на новые культурные феномены, фильмы и книги. Основной проблемой такого синхронного анализа становится сложность в вербализации схожих эмоций и чувств: неслучайно книга Николайна Тиммера называется «Вы тоже это чувствуете?»: разделяемое многими людьми эмоциональное поле гораздо сложнее описать, чем почувствовать. В пост-постмодернистской литературе, как её называет Тиммер, это выражается в частом обращении к читателям [24, с. 11–49]. В этом смысле новые модусы эмоций не только строятся на отношениях между людьми (*relational*), но и эксплицитно осознаются в качестве таковых.

Материалы и методы

Исследуется, с одной стороны, дискурс постпостмодернистской философии и культурологии, репрезентирующий новые аффективные состояния (*постиронию*, *кринж*, *параноидальность*, *неловкость*); с другой, анализируются художественные образы, приёмы, тропы, эксплицирующие новые эмоции; лингвокультурные особенности политического публичного поведения; выразительные приёмы жанра *стендап*. С характером материала связан центральный метод герменевтики – интерпретация текстов.

Результаты и обсуждение

Эмоциональная культура сильно изменилась именно с точки зрения комического (*неловкого*, *стыдливого*, *иронического*). Ли Константиноу, автор статьи «Четыре лица *постиронии*» (2017 года), утверждает, что именно предшествующие написанию статьи тридцать лет *неолиберальные демократические режимы* в культурном и политическом смысле живут в зре *иронии*. Несмотря на то, что с начала 1990-х *ирония* переместилась с *маргиналий культурного поля* в её центр, она была названа *неуместной* и *неполиткорректной*, также была *дискредитирована* сериалами типа «*Бивис и Баттхед*», где *ирония* представлялась «*грубым пренебрежением*» общественной

морали и была противопоставлена общественной регуляции эмоций [22, с. 87]. Ирония, существующая в таком виде, была уничтожена с событиями 11 сентября 2001 года и была вынуждена переродиться в новом виде, уже переосмысленном с этической стороны. Константиноу утверждает, что современные англоязычные писатели часто применяют иронию как этическую линзу или технику чтения: разьедающую (*cogogive*), скептическую и параноидальную. Именно *проект* этого чтения и достигаемого с помощью него смысла называется Константиноу постиронией: он сохраняет инсайты постмодернистской теории и помогает решить (или по крайней мере проблематизировать) возникающие этические и социальные трудности.

Рассмотрим ближе термин параноидального чтения. Его создательница, феминистский историк Ив Сэдзвик, утверждает, что при исследовании (чтении, теоретизировании) позиция параноидного субъекта в некоторых аспектах может дать лучшее представление о чём-то, так как является позицией «страшной настороженности по отношению к угрозам, исходящим от злобных и завистливых частичных объектов, которые особа, защищаясь, проецируют на окружающий мир, высекает из него, впитывает из него» [16]. Сэдзвик выделяет пять тезисов в пользу параноидального чтения и поиска истины:

1. Паранойя *упреждает*.
2. Паранойя *рефлексивна и миметична*.
3. Паранойя – это *сильная теория*.
4. Паранойя – это *теория негативных аффектов*.
5. Паранойя верит в *разоблачение*.

Техники чтения, предполагающие худшее, ожидающие обмана, чувствующие реальное или нереальное теоретическое насилие и планирующие раскрытия в виде нарративной модели (теория заговора) – все они вынуждены постоянно существовать в атмосфере подвоха, угрозы и страха. Именно эти черты являются основными и для постиронии в принципе: как бы подвешенная система координат, смущение и двусмысленность позволяют постиронии функционировать. Связь постмодернизма и постиронии объясняется также открытиями философов современной культуры: например, Жана-Франсуа

Лиотара, заявившего об эпохе постмодерна как о времени крушения больших нарративов, сопровождающих модерн. По Лиотару, *метанаррации* (крупные нарративы), например, идеи Просвещения, прогресса, эмансипации, борьбы за гражданские права, уже не могут служить универсальными ответами на онтологические вопросы человека и общества. Современные философские и социальные (это задело далеко не столько философию, сколько в первую очередь социологию) теории, напротив, часто делают упор на нестабильности связей, будь это симулякр Жана Бодрийяра, открытость существования Жоржа Батая или ризоматические структуры постструктуралистов [12]. Разочарование в универсальных идеях, с одной стороны, связанное с критическими исследованиями понятий расы, гендера и сексуальности [14; 2], с другой стороны, с катастрофами, которые ближе чем когда-либо коснулись западноевропейского мира в связи с переходом к информационной цивилизации.

Разочарованный в идеях прогресса и эмансипации субъект necessarily использует иронию для того, чтобы насмехаться над идеями справедливости и равенства, хотя, конечно, ирония и была апроприрована определёнными группами правого общественного дискурса. Ярким примером здесь становятся американские популистские политики: например, Бен Шапиро, который часто взаимодействует с идейными оппонентами и пытается переспорить их с помощью эмоционального напора, правопопулистской риторики и оскорблений. В отношении его оппонентов также часто используется слово «кринж» – уязвимость этих людей, их обидчивость и наивность в глазах правой аудитории уничтожает их перед уверенным в себе Шапиро. Видеозаписи с этих дебатов часто монтируются в один ролик, который состоит из «подборок обиженных снежинок» (оскорбительное именование для современных молодых людей, придерживающихся прогрессивных взглядов) и «кринж-монтажей». Эти видеоподборки часто пользуются популярностью или пересматриваются несколько раз, создавая поле для совместного кринжевания и насмешки. С помощью таких видео, помимо идейной дискредитации, люди чётко проводят границу между «своими» и «чужими». Ещё бо-

лее интересно, что это происходит именно в эпоху особой внимательности к чувствительности, корректности эмоциональных режимов и систем контроля человеческих эмоций, реакций, слов поддержки или сочувствия. Противопоставляя себя такому публичному режиму чувствования, человек вынужден занимать полярную позицию – грубую, жёсткую, эмоционально подавленную в случае уязвимых состояний.

Это маскулинный тип социализации, и, сочетаясь с идеологиями, оправдывающими психологическое насилие или оскорбительную риторику, он часто может нанести человеку психологическую травму, вызывающую эмоциональное отчуждение. Психологи Кэрл Гиллидан и Наоми Снайдер утверждают, что именно в этом и заключается живучесть патриархата: при взрослении и социализации он проводит мальчиков и девочек через травму утраты. Первые при этом начинают быть отчуждёнными; вторые проявляют навязчивую заботливость [3]. В таком случае гендерная специфика постиронии может быть на центрирована на внутреннем одобрении ксенофобии или страхе активного протеста против неё; двойственная же позиция делает ответную отрицательную реакцию не совсем правомерной: «на самом деле он просто шутит, это постирония». Такая двусмысленная позиция позволяет не высказывать прямо взгляды, но проверять реакцию публики и говорить что-то, находясь в серой моральной зоне. Одновременно с этим может возникнуть и отказ от претензии на универсальное знание о чём-либо, включая моральную систему. В мире, где моральный шейминг (англ. shame – стыд) воспринимается в качестве репрессивного инструмента, ограничивающего свободу слова, постирония становится лазейкой, которой пользуются самые разные люди.

Постироничные шутки и постирония в принципе совсем не обязательно должны быть оскорбительными или ксенофобными. Например, именно двойственность прочтений помогает современным авторам создавать литературную игру, ставя под сомнение категорию реального, правдивого и правдоподобного. Более того, как пишет исследователь американской литературы Лукас Хоффман, авторы, чью стратегию можно назвать постироничной, часто проблематизируют границы между жанрами, сращивают художественную литературу

и беллетристику. Хоффман считает, что современный читатель, следуя за автором, также может осмысливать жанровые рамки для себя в рамках интерпретационных ожиданий: «Современная читательница допускает вымысел даже в нонфикшне; драматизация необходима, считает она, чтобы удовлетворить стремление читателя к драме. В то же время читательница чувствует «смущение» по поводу своей собственной вуайеристской потребности [в эмоциях и драматизации событий]. Это ставит писателей в сложное положение, потому что это размывает грань между «воображением фактов» и тем самым преодолением простого “отчета», чтобы сделать повествование интереснее, и выдумыванием фактов в художественной манере» [21, с. 16].

Если позиция постироничного субъекта, следуя за ироническим трикстером модерна, продолжает подвергать язвительному осмеянию новые культурные нормы и социальные феномены, обратная ей позиция останавливается на честности и гуманизме. Это так называемая *новая искренность* (англ. *New Sincerity*), возвращающаяся к составляющим рухнувших метанарративов с опытом постмодернистской (пост)иронии. В отличие от искренности модерна она более индивидуалистична и не претендует на универсалистское значение. Люди, стоящие на позициях новой искренности, часто обращаются к экзистенциальным и гуманистическим образам, как бы воскрешая идеи свободы и добра с помощью новых инструментов. В историческом контексте гегелевская триада (кстати, абсолютно современная и работающая по типу метанарратива) «модерн – постмодерн – новая искренность (метамодерн)» связывается с глобальными катастрофами: Второй мировой войной, тоталитарными режимами, экономическим кризисом, эпидемией ВИЧ, антропогенными катастрофами [11].

Например, в поведении советского человека, вынужденного ритуально участвовать в общественной жизни, проявлялась та самая постирония, которую исследователь советской повседневности и дискурсивных практик Алексей Юрчак назвал *вненаходимостью* [18]. В умении советского человека видеть двойственность ситуации (например, понимать, что ни одному из собравшихся, в общем-то, на самом деле не интересно происходящее), раз из раза приходя на со-

брания, заседания, голосования, можно увидеть ту самую позицию отказа – отказа от возможности поверить в целеполагание происходящего. Героический пафос и романтизм первых лет существования советского режима резко противоречит горькой иронии и усталости последнего советского поколения, которое переживало несогласие пассивно, внешне действуя, как все. Статья Владимира Померанцева «Об искренности в литературе» (1953 год) не смогла внести в подцензурную литературу новую художественную категорию, скорее обновила критический аппарат периода ранней Оттепели.

Именно поэтому советское неофициальное искусство и художественно, и этически двигалось против ироничной усталости. В эстетическом отношении это заключалось в расширении поэтического словаря, смелых метафорах, актуализации забытых жанров, сталкивании «высоких» и «низких» стилевых фигур. В моральном – в возвращении к христианской нравственной системе (советская же с помощью антитезы именовалась «бездуховной», «безбожной»), открытой жалости или сочувствию не только к положительным советским людям, но и литературным и бытовым маргиналам – алкоголикам, безработным, непэтизированным фигурам лианозовских барачников или междугородних электричек. Применительно к неофициальной советской литературе важной была категория исповедальности – такая интонация прослеживается у большого круга неподцензурных авторов, от Елены Шварц и Анри Волхонского до Михаила Сухотина и Тимура Кибирова. В таком случае и произведение Венедикта Ерофеева «Москва–Петушки» нуждается в дополнительном жанровом уточнении – несмотря на то, что часто этот текст называется первым русским постмодернистским произведением, ирония Венечки скорее светлая, христианизированная; почти каждому попутчику он готов исповедаться и каждого – пожалеть. Таким способом новая искренность помогала людям и литературе вылечиваться от окостенения в советском дискурсе эпохи Брежнева.

Сравнивая новую искренность и постиронию, мы приходим к следующим функциональным режимам этих новых чувств. Постирония становится адекватным ответом на хаотичный мир без универсальных истин и простых ответов. Травматичный опыт и повышенное

внимание к чувствам друг друга требуют от человека не только сформулированной позиции, но и её чёткого озвучивания. Постирония помогает человеку избежать этого, высказываясь из блуждающей позиции между юмором и серьёзностью, собственным мнением и желанием потроллить (англ. trolling – насмешка, демонстративное поведение с целью вызова у собеседника резко негативной реакции). Однако негативные последствия постиронии могут быть как индивидуальными – подавление эмоций, недоверие к другим, так и групповыми. К последнему относится апроприация постиронии группами, придерживающихся ксенофобных взглядов. Противостоя современным мейнстримам режимам чувствования, они намеренно встают в позицию, отрицающую эмоциональную доступность, чувствительность и эмпатию. Вершиной этого можно считать открытие в Москве бара под названием «Новая искренность» правыми либертарианцами (в настоящее время клуб закрыт и не работает).

Новая искренность скорее действует репаративно, тогда как постирония – параноидально. Первая призвана залечивать раны, нанесённые катастрофами и политическими репрессиями, заново открывать для себя давно дискредитированные идеи и надежды. Несмотря на это завораживающее описание, строгость морального контроля в некоторых сообществах делает адептов новой искренности предметом критики. Чаще это происходит не в искусстве, а в общественных движениях. Например, журналистка Энн Эпплбаум утверждает, что, несмотря на собственное согласие со всеми культурными нормами новой этики, она не считает остракизм и жёсткие моральные санкции адекватным ответом на быстро меняющийся мир. Адептов новой искренности она называет новыми пуританами [20]. В таком случае постирония, как кажется, не так строга в выносе моральных оценок и может помогать человеку справляться с собственными проблемами теми средствами, которые он считает подходящими. Особенно это проблематизируется в стендап комедии, в которой комики часто используют жизненный материал для написания шуток, которые получают разные реакции от аудитории в зависимости от синхронности иронического режима, в котором зрители находятся или не находятся

вместе с комиком. При просмотре стендапов, записанных несколько десятилетий назад, современные зрители часто чувствуют кринж в связи с изменением культурных норм и поведенческих ожиданий. В таком случае постирония и кринж (например, в сериале *The Office*) позволяет зрителю смеяться или негодовать без видимой моральной оценки со стороны сценаристов.

Заключение

Новые эмоциональные режимы в современной культуре чрезвычайно быстро адаптируются к меняющемуся миру и производят новые термины для их описания. Нейтральные чувственные модусы на самом деле оказываются глубоко связаны с национальной историей, личными травмами и идеологическими взглядами. Однако они на бытовом уровне объединяют разных людей в общности, связанные большими нарративами (или неверием в них): гуманизмом, желанием бороться за более справедливый мир, глубокой неуверенностью в существовании одной верной точки зрения и беззубого юмора.

Наибольшую трансформацию в постсовременности претерпели модусы комического и эмоциональная реакция на них. Феномен постиронии, являясь монолитом рационального и эмоционального, непосредственно связан с параноидальным чтением и попыткой защиты от духовных рисков. Постирония и новая искренность сами по себе в каком-то смысле являются терапевтическими: в эпоху индивидуализма они позволяют надеяться на лучшее, размывая чёрно-белые моральные режимы и доверяя собеседнику (читателю, зрителю) знание о мире и самом себе.

Список литературы

1. Аронсон П., Бударйтскис И., Великодворская Е. и др. Сложные чувства. Разговорник новой реальности: от абьюза до токсичности / Под ред. Полины Аронсон; предисл. Юлии Лернер, послесл. Гасана Гусейнова. М.: Индивидуум, 2022. 288 с.
2. Батлер Д. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории / под ред. Е. Гаповой. Минск: ПроPILEI, 2000. С. 297–346.

3. Гиллидан К., Снайдер Н. Почему патриархат все еще существует? / пер. с англ. А. Архиповой; под науч. ред. А. Смирнова; Нац. исслед. ун-т ВШЭ. 2-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 176 с.
4. Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. 557 с.
5. Григорьев С. Л. Этические экзистенциалы современной экранной культуры (на примере британского сериала “Black mirror”) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8(100). С. 39–44.
6. Жданова, С. Ю. Исследование невербальной репрезентации состояния счастья у представителей различных культур (на примере российских и американских студентов) / С. Ю. Жданова, А. В. Шавкунова // В мире научных открытий. 2015. № 5-3(65). С. 1108–1118.
7. Завадский А., Склез В., Суверина К. Предисловие. Разум и чувства: публичная история в музее // Политика аффекта: музей как пространство публичной истории / Под ред. А. Завадского, В. Склез, К. Сувериной. М.: НЛЮ, 2019. С. 7–50.
8. Иллуз Е. Почему любовь ранит? Социологическое объяснение. М.: Директ-медиа, 2019. 401 с.
9. Лобанова Ю. В. История философского понимания и изучения эмоций // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8(100). С. 50–55.
10. Лобанова Ю. В. Компьютерная видеоигра как социокультурный генератив эмоций // Вестник культуры и искусств. 2022. № 3 (71). С. 73–81.
11. Магсумов, Т. А. Гибель империи: региональный аспект / Т. А. Магсумов, Г. О. Ковзик // В мире научных открытий. 2014. № 5(53). С. 12–18.
12. Новейший философский словарь / Составитель и главный научный редактор Грицапов А. А. Интепрессервис, Книжный дом, 2001. URL: <https://www.booksite.ru/localtxt/slo/var/phi/los/ophy/35.htm> (дата обращения: 14.09.2022).
13. Попова, И. В. Принципы реализации аксиологического подхода в развитии культуры эмоционального самовыражения подростка / И. В. Попова // В мире научных открытий. 2015. № 1-1(61). С. 635–642.
14. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Мир, 2006. 636 с.
15. Симонова О. А. Эмоциональные императивы позднесовременного общества и их социальные последствия // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 2. С. 25–45.

16. Сэджвик И. К. Параноидное чтение и репаративное чтение, или Как же тебя параноит, поди думаешь, что это эссе о тебе / пер. с англ. Д. Переднего. М., 2022.
17. Щеглова Л. В., Саенко Н. Р. Play Gogol: постмодернистская интерпретация раннего Гоголя в сериале Е. Баранова // Сервис plus. 2019. Т. 13. № 4. С. 111-124.
18. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. 6-е издание. М.: НЛЮ, 2021. 664 с.
19. Ahmed S. The Cultural Politics of Emotion. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014.
20. Applebaum A. The New Puritans. The Atlantic. 31 August 2021. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2021/10/new-puritans-mob-justice-canceled/619818/> (дата обращения: 14.09.2022).
21. Hoffman L. Postirony. The Nonfictional Literature of David Foster Wallace and Dave Eggers. Transcript Verlag, 2016.
22. Konstantinou L. Four Faces of Postirony //Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism. Edited by Robin van den Akker, Alison Gibbons and Timotheus Vermeulen. London, New York: Rowman & Littlefield International, 2017.
23. Middleton J. Documentary's Awkward Turn. 1st edn. Taylor and Francis. 2013. URL: <https://www.perlego.com/book/1680395/documentarys-awkward-turn-tinge-comedy-and-media-spectatorship-pdf> (дата обращения: 14.09.2022).
24. Timmer N. Do You Feel It Too? The Post-Postmodern Syn-drome in American Fiction at the Turn of the Millennium. Amsterdam ; N. Y. : Rodopi, 2010. 388 p.

References

1. Aronson P., Budrajtskis I., Velikodvorskaya E. et al. *Slozhny`e chuvstva. Razgovornik novoj real`nosti: ot ab`yuza do toksichnosti* [Complex feelings. Phrasebook of the new reality: from abuse to toxicity]. Moscow: Individuum, 2022.
2. Batler D. Gendernoe bespokojstvo [Gender anxiety]. *Antologiya gendernoj teorii*. Minsk: Propilei, 2000, pp. 297–346.

3. Gillidan K., Snajder N. *Pochemu patriarxat vse eshhe sushhestvuet?* [Why does the patriarchy still exist?]. Moscow: Izd. dom Vy'sshej shkoly e'konomiki, 2021.
4. Gircz K. *Interpretaciya kul'tur* [Interpretation of cultures]. Moscow: ROSSPEN, 2004.
5. Grigor'ev S. L. E'ticheskie e'kzistencialy' sovremennoj e'krannoj kul'tury' (na primere britanskogo seriala "Black mirror") [Ethical existentials of modern screen culture (on the example of the British TV series "Black mirror")]. *Obshhestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, 2022, no. 8(100), pp. 39-44.
6. Zhdanova S. Yu., Shavkunova A. V. Issledovanie neverbal'noj reprezentacii sostoyaniya schast'ya u predstavitelej razlichny'x kul'tur (na primere rossijskix i amerikanskix studentov) [The study of nonverbal representation of the state of happiness in representatives of different cultures (using the example of Russian and American students)]. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 2015, № 5-3(65), pp. 1108-1118.
7. Zavadskij A., Sklez V., Suverina K. Predislovie. Razum i chuvstva: publichnaya istoriya v muzee [Preface. Reason and feelings: public history in the Museum]. *Politika affekta: muzej kak prostranstvo publichnoj istorii* [Politics of Affect: Museum as a Space of Public History]. Moscow: NLO, 2019, pp. 7-50.
8. Illuz E. *Pochemu lyubov' ranit? Sociologicheskoe ob'yasnenie* [Why does love hurt? Sociological explanation]. Moscow: Direkt-media, 2019.
9. Lobanova Yu. V. Istoriya filosofskogo ponimaniya i izucheniya e'mocij [History of philosophical understanding and study of emotions]. *Obshhestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, 2022, no. 8(100), pp. 50-55.
10. Lobanova Yu. V. Komp'yuternaya videoigra kak sociokul'turnyj generativ e'mocij [Computer video game as a socio-cultural generative of emotions]. *Vestnik kul'tury' i iskusstv*, 2022, no. 3 (71), pp. 73-81.
11. Magsumov T.A., Kovzik G.O. The downfall of empire: the regional aspect. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 2014, no. 5(53), pp. 12-18.
12. *Novejshij filosofskij slovar'* [The newest philosophical dictionary]. URL: <https://www.booksite.ru/localtxt/slo/var/phi/los/ophy/35.htm> (accepted: 14.09.2022).
13. Popova I. V. Principy' realizacii aksiologicheskogo podxoda v razvitii kul'tury' e'mocional'nogo samovy'razheniya podrostka. *V mire nauchny'x otkry'tij*, 2015, no. 1-1(61), pp. 635-642.

14. Said E'. *Orientalizm. Zapadny`e koncepcii Vostoka* [Orientalism. Western concepts of the East]. St Petersburg: Russkij Mir, 2006.
15. Simonova O. A. E`mocional`ny`e imperativy` pozdnesovremennogo obshhestva i ix social`ny`e posledstviya [Emotional imperatives of late modern society and their social consequences]. *Sociologicheskij zhurnal*, 2021, vol. 27, no. 2, pp. 25–45.
16. Se`dzhvik I. K. *Paranoidnoe chtenie i reparativnoe chtenie, ili Kak zhe tebya paranoit, podi dumaesh`, chto e`to e`sse o tebe* [Paranoid reading and reparative reading, or How are you paranoid, you think it's an essay about you]. Moscow, 2022.
17. Shheglova L. V., Saenko N. R. Play Gogol: postmodernistskaya interpretaciya rannego Gogolya v seriale E. Baranova [Play Gogol: postmodern interpretation of early Gogol in the series by E. Baranov]. *Servis plus*, 2019, vol. 13, no. 4, pp. 111-124.
18. Yurchak A. *E`to by`lo navsegda, poka ne konchilos`*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever until it was over. The last Soviet generation]. Moscow: NLO, 2021.
19. Ahmed S. *The Cultural Politics of Emotion*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014.
20. Applebaum A. *The New Puritans*. *The Atlantic*. 31 August 2021. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2021/10/new-puritans-mob-justice-canceled/619818/> (accepted: 14.09.2022).
21. Hoffman L. *Postirony. The Nonfictional Literature of David Foster Wallace and Dave Eggers*. Transcript Verlag, 2016.
22. Konstantinou L. *Four Faces of Postirony. Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism*. Edited by Robin van den Akker, Alison Gibbons and Timotheus Vermeulen. London, New York: Rowman & Littlefield International, 2017.
23. Middleton J. *Documentary's Awkward Turn*. 1st edn. Taylor and Francis, 2013. URL: <https://www.perlego.com/book/1680395/documentarys-awkward-turn-tinge-comedy-and-media-spectatorship-pdf> (accepted: 14.09.2022).
24. Timmer N. *Do You Feel It Too? The Post-Postmodern Syn-drome in American Fiction at the Turn of the Millennium*. Amsterdam ; N. Y. : Rodopi, 2010.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Кортунув Вадим Вадимович, доктор философских наук, профессор
кафедры философии

*Российский государственный аграрный университет – МСХА
им К.А. Тимирязева*

ул. Тимирязевская, 49, г. Москва, 127434, Российская Федерация
kortunov@bk.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6058-498X>

Саенко Наталья Ряфиковна, доктор философских наук, профессор
кафедры «Гуманитарные дисциплины»

Московский политехнический университет

*ул. Большая Семёновская, 38, г. Москва, 107023, Российская
Федерация*

rilke@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9422-064X>

DATA ABOUT THE AUTHORS

Vadim V. Kortunov, Doctor of Philosophy, Professor of the Department
of Philosophy

*Russian State Agrarian University – Timiryazev Agricultural Academy
49, Timiryazevskaya Str., Moscow, 127434, Russian Federation*

kortunov@bk.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6058-498X>

Natalya R. Saenko, Doctor of Philosophy, Professor of the Department
of Humanities

Moscow Polytechnic University

*38, Bolshaya Semenovskaya Str., Moscow, 107023, Russian
Federation*

rilke@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9422-064X>

Поступила 11.09.2022

После рецензирования 25.09.2022

Принята 28.09.2022

Received 11.09.2022

Revised 25.09.2022

Accepted 28.09.2022